

УДК 281.93:821.161.1-343.5"14/15"(045)

Н.С. Васиховская, С.С. Пашин

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО И СУДЬБЫ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ XV–XVI ВЕКОВ

Статья посвящена развитию древнерусской агиографии. Анализируются тексты житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, шести житий XVI в. и Волоколамского патерика. Все памятники агиографии можно считать центонно-парафразами произведениями. Основное внимание в статье направлено на поиск и выявление скрытых концептов и смыслов, которыми руководствовались древнерусские книжники, определение параллелей и разного рода текстуальных совпадений. Приоритет отдан анализу таких сюжетов, как одежда, трудовая деятельность, особенности распорядка дня монахов, отношение к монашескому имуществу и вкладам в монастыри. Сделан вывод, что все авторы житий XV–XVI вв. прямо или косвенно использовали текст Жития Феодосия Печерского.

Ключевые слова: жития святых, Феодосий Печерский, Русь, XV–XVI вв.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-155-160

Жития святых, являясь одним из самых распространенных и популярных жанров средневековой литературы, давно привлекают внимание исследователей. Яркий след в истории русской агиографии оставило Житие Феодосия Печерского, составленное монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в 80-е гг. XI в. Повествование следует всем правилам средневековой агиографии и содержит вполне стандартные и даже традиционные для жизнеописания святого сюжеты. Однако особого внимания заслуживает источниковая база жития, которая, судя по многочисленным упоминаниям, отсылкам и опосредованным цитированиям, была довольно разнообразна. Основу её составил комплекс «устных рассказов и преданий», которые начали формироваться вокруг имени Феодосия Печерского сразу же после его смерти и были почерпнуты Нестором от «древних отец» – одного «от братия, именемъ Феодор, иже бе келарь при отци нашемъ Феодосии», монаха «именемъ Иларионъ», повозника и других [8, с. 368, 394, 392].

Когда устная легенда не давала Нестору необходимого материала для рассказа, он широко использовал данные хорошо известных ему переводных житий родоначальников православного монашества Антония Великого, Евфимия Великого, Феодосия Киновиарха, Саввы Освященного и др. При этом речь не идёт о слепом подражании греческим житиям. Скорее мы можем говорить о творческом подходе Нестора, соизмеряющего традиционный образ святого с окружающей его действительностью. Разбитое на небольшие рассказы-новеллы жизнеописание святого являет нам своеобразную панораму монашеских добродетелей Феодосия Печерского.

В качестве составляющего компонента Житие Феодосия вошло в Киево-Печерский патерик, в составе которого распространилось в древнерусской книжности начиная с XV в. Что касается отдельных списков жития, то их известно немного; старший из них читается в составе Успенского сборника XII–XIII вв. Будучи составлено по общему шаблону житий и как подражание житиям греческим, Житие Феодосия Печерского и само выступало источником для книжников более позднего периода, например, для Епифания Премудрого, особенно в период его работы над житием Сергия Радонежского.

Ученик и младший современник Сергия Епифаний Премудрый приступил к созданию жития преподобного спустя 26 лет после его смерти, то есть в 1418 – начале 1419 г., начав «подробно нъчто писати от жития старьцева... запаса ради, и памяти ради, и ползи ради» за 20 лет до указанной даты, при этом, успев написать и отдельные фрагменты из жизни подвижника, которые, по словам самого же агиографа, хранились у него частью «въ свитцехъ», частью «въ тетратехъ», не по порядку, а «предняя назади, а задняя напреди» [7, с. 254, 256]. Как и в случае с Нестором Печерским, Епифаний Премудрый в качестве главного источника о жизни и деятельности Сергия Радонежского использовал информацию, полученную от монастырской братии и других людей, знавших преподобного лично [7, с. 256, 258]. Однако при знакомстве с текстом становится понятно, что имевшие место в монастырской легенде пробелы о жизни, подвигах и особенно периоде игуменства Сергия агиограф активно восполнял, обращаясь к тем же литературным образцам, что и Нестор Печерский. В качестве таковых вы-

ступали жития Федора Эдесского, Саввы Освященного, Евфимия Великого, Федора Тирона. И все же главным источником Жития Сергия стало Житие Феодосия Печерского [7, с. 270, 272, 322, 391].

К сожалению, вариант созданного Епифанием Жития Сергия не сохранился. Его последующие неоднократные доработки и переработки относятся ко второй половине XV в. и принадлежат Пахомию Сербу (Логофету). Писатель приступил к работе над Житием, очевидно, во время своего пребывания в Троице-Сергиевом монастыре (40–50-е гг. XV в.). Возможно, в связи с обретением мощей Сергия и предстоящей канонизацией святого, Пахомий получил официальное задание от настоятеля Троицкого монастыря сделать текст Жития пригодным для церковной службы. Первоначальный текст Епифания был сокращен, из него исчезли излишняя биографическая детализация жизни святого, но при этом усилен элемент похвалы и общая парадность текста за счет его дополнения цитатами из Священного Писания, рассказами о разного рода чудесах и т. д.

Основные способы использования автором Жития Сергия Радонежского «авторитетных» источников – это прямые и косвенные цитаты, а также так называемые отсылочные сравнения. Как было сказано выше, Епифаний, помимо переводных житий, активно использовал Житие Феодосия Печерского. При сопоставлении текстов житий обоих преподобных обнаруживается много общего в подвижнической и, особенно, в игуменской деятельности.

Согласно Житию, Сергей «без лености братиам яко купленный раб служаше: и дрова на всех сечаше; и тлькущи жито, въ жърновех меляше, и хлебы печаше, и вариво варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты крааше и шияше; и от источника, сушаго ту, воду въ двою водоносу почерпаа на своємъ си раме на гору възношаше и комуждо у келий поставляше» [7, с. 314]. Судя по всему, Феодосий занимался тем же самым: «Съмеренемъ съмыслемъ и послушаниемъ вся преспевааше, трудемъ и подвизаниемъ и делемъ телеснымъ... и воду нося и древа из леса на своєю плещю... И братии же на опочители суще, блаженный же възъмъ разделеное жито и когождо часть измелъ и поставляше на своємъ месте» [8, с. 376].

Даже став игуменами, ни Сергей, ни Феодосий не оставили труженический подвиг. Согласно их жизнеописаниям, оба старца любили проводить время в пекарне, выпекая хлеб. Епифаний отмечает, что для монастырского богослужения Сергей ежедневно «просфиры же сам печаше; бо пшеницу толчаше и меляше, и муку съяше, и тьсто мьсяше и квасяше» [7, с. 328]. Похожее описание находим и у Нестора, который также обращал внимание на то, что Феодосий «еще же въ пещьницю часто исхожааше, ... тесто месиаше и хлебы пека» [8, с. 388].

Стараясь следовать во всей своей игуменской деятельности примеру Феодосия Печерского, Сергей также запрещал инокам после павечерия «преходити от своая келиа без великиа нужныя потребныя вещи по чюжим келиам, но въ своей келии комуждо в тайне молите Бога наедине и свое рукоделие, якоже рука его может, делати по силе, по вся дни псалмы Давидовы присно въ устех своих повсегда имуще» [7, с. 330]. Обратившись к сочинению Нестора, несложно заметить практически такой же текст: «И тако вся прилежно учааше молитися къ Господу и не беседовати ни къ кому же по павечерней молитве и не преходити отъ келие въ келию, нъ въ своей келии Бога молити, яко же кто может и рукама же своима делати по ся дъни, псалмы Давидовы въ устехъ своихъ имуще» [8, с. 382].

Сам же Сергей, завершив молитву, имел обычай «исхожааше ис келиа своая, еже обьходити ему вся келиа мниховы... уведати хотя коегождо жития их или желание къ Богу. И аще кого услышаше или молитву творяща, или поклоны кладуща, или рукоделие свое съ безмолвиемъ и съ молитвою творяща, или светла книги почитающа, ... о сихъ убо радовашешя. Егда же кого слышаше беседующа, два или трие съшедшеся вкупе, или смехы тькуща, о сем убо негодоваше, ...рукою своєю ударяше въ двери, или въ оконце потолкавъ, отхожааше, назнаменавъ темъ свое к ним прихождение». Как правило, на следующий день Сергей «презываше к себе» нарушивших уставные нормы монахов «беседы ради», в ходе которой «издалеча с тихостию и кротостию, аки притчами наводя», старался вызвать их признание и раскаяние. Тех монахов, которые «упознавъ свою вину съ смирениемъ прощения прияти прося», тех прощал, если же «будяше брат непокорливъ», то такого «епитемиєю облачаше» [7, с. 328, 330; ср.: 8, с. 382]. Также поступал и Феодосий.

Есть и другие общие черты в житийных образах святых. Например, Сергей, как и Феодосий, был крайне невзыскателен в одежде, по обыкновению «ризу ношаше ветошну же, и многошвейну, и неомовену, и уруднену, и много пота испльнену, иногда же и заплаты имущу» [7, с. 340–342; ср.: 8, с. 356, 364, 390]. Это нищенское облачение было хуже, чем у любого из иноков, поэтому те, кто не знал старцев, могли впасть в заблуждение, что и произошло с возницей, который, видя в «одежи ху-

дей» Феодосия, решил, что перед ним простой монах [8, с. 390, 392], и с земледельцем, который, «ви-де блаженного Сергия в худостне портище, зело раздране и многошвейне», долго не мог поверить, что перед ним игумен. Поэтому «отврати лице свое от блаженного, начат смеяться и гнушати его» [7, с. 342, 344].

Другой пример: Сергей, как и Феодосий, никогда не предавался унынию, даже в минуты крайней нужды, когда «въ всем монастыри бысть оскудение всехъ брашень», следуя правилу «седети тръпеливе в монастыре, и възирати къ Богу, могущему крѣмити, и одевати, и въсемь промышляти» [7, с. 332, 340; 8, с. 394, 396]. В текстах житий находим немало примеров проявления «божественной» заботы. Так, в ответ на жалобу келаря Феодосию, «яко не имамъ, что предложити на ядь» братии, по молитве игумена в тот же день были привезены в монастырь «три возы брашьна: хлебъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пышено, еще же медь» [8, с. 406]. Аналогичный сюжет находим и в Житии Сергия: «Некогда не достало быть хлеба и соли у игумена, но и въ всем монастыри бысть оскудение всехъ брашень». В тот самый момент, когда Сергей поучениями из Святого Писания и молитвой пытался усмирить возроптавшую братию, «се неции вънезапу потлекаша въ врата..., принесено бысть множество брашень потребныхъ въ монастырь на колеснице и въ вретиси» [7, с. 332, 336].

Таким образом, мы можем говорить о том, что цитаты и отсылочные сравнения из жития Феодосия Печерского составляют значительную часть труда Епифания, служа и для автора, и для читателей ключом к пониманию замысла и текста произведения. Сергей нередко уподобляется Феодосию, в его поступках угадываются черты и образ мысли Киевско-Печерского игумена, что может говорить о том, что, с одной стороны, трицкий игумен использовал пример Феодосия как руководство к действию, с другой, что Епифаний Премудрый создал канонический образ святого, на которого возложена миссия возрождения традиций киновии, поэтому монашеская часть жизни Сергия Радонежского не могла сильно отличаться от жизни и поступков «первоначальника русских мнихов».

Очевидно, той же логики придерживался и Пахомий Логофет, написавший в 1462 г. Житие Кирилла Белозерского. Знаменитый писатель XV в. утверждал, что он широко использовал устные рассказы учеников Кирилла [4, с. 134, 136]. Одновременно нет никаких сомнений, что он хорошо знал содержание отредактированного им Жития Сергия Радонежского. Тем не менее, в своем новом произведении Пахомий, активно обращаясь к книгам Ветхого и Нового Завета, не использовал ни одной прямой цитаты из Жития Сергия. Мы можем говорить только о пересказе нескольких эпизодов Жития.

Примером может служить запрет монахам иметь личное имущество: Сергей «повеле же твердо блюсти по заповеди святыхъ отецъ, ничтоже особъ стяжевати кому, ни своимъ что звати, но вся обща имети» [7, с. 356]. Кирилл «в монастыри же и в келии ничтоже не веляше имети, ниже своимъ звати, но вся общая, по апостолу, имети, яко да сего ради не раби будемъ темъ, ихже нарицаемъ» [4, с. 160].

Рассказ про то, что Кирилл, трудясь в «хлебне» (пекарне) Симонова монастыря, «воду нося и дрова секый и хлебы теплыя братиамъ принося», имеет аналог и в Житии Сергия [4, с. 142; 7, с. 312, 314].

То же самое можно сказать и про одежду обоих святых. Все 9 лет пребывания в Симоновом монастыре Кирилл днем угорал от огня, а ночью замерзал от стужи: «Не бо в техъ летехъ възде овчя кожа на тело его, но тако страданиями удручаше тело свое» [4, с. 146]. Став игуменом Белозерского монастыря, Кирилл не имел ничего, кроме своей ризы и «мало книжицъ», причем он «ненавидяше видети на себе некую лепоту ризную, но тако просто хождаше в ризе раздранней и многошвейне» [4, с. 156, 160].

Еще одно явное заимствование из Жития Сергия – рассказ о том, что в Кирилло-Белозерском монастыре в начальный период его истории вечно чего-то не хватало, и «братиа понуждаху послати святаго к некимъ христороубцемъ еже просити у нихъ на потребу братиамъ». Однако Кирилл запрещал что-либо просить и учил монахов «у мирьскихъ не просити милостыня» [4, с. 162]. Другое дело – подарки мирян по их собственной инициативе.

Пахомий неоднократно с видимым удовольствием сообщает о щедрых подношениях монастырю в виде продуктов и денег. Единственный подарок, от которого отказался Кирилл – это боярское село [4, с. 158, 176, 178]. Впрочем, уже третий (после Кирилла) игумен Трифон (1435–1447) не отказывался от дарений многих сел и озер [4, с. 210]. Рассказы о земельных вкладах в монастырь – очередная новация Жития Кирилла Белозерского в сравнении с Житием Сергия Радонежского.

Но главные новации, которые будут не раз повторяться в других житиях прославленных игуменов XV–XVI вв. – это, во-первых, описание тяжелых служб молодых монахов в монастырских

«хлебне» (пекарне) и «магернице» (поварне); во-вторых, это перечисление важных составляющих повседневной жизни монаха-подвижника: он обязательно должен очень мало есть («толико егда отъ глада не пасться ему»), пить только воду; мало спать, причем только сидя («сна же мало нечто приимаше, и сиа тому сидящу»; «стоя просто мало сна вкушаше или мало приседе»), а сэкономленное от сна ночное время посвящать многократным молитвам и поклонам [4, с. 142, 158].

Написанные в середине XVI в. безымянным иноком Ферапонтова монастыря Жития Ферапонта и Мартиниана Белозерских испытали сильное влияние творчества Пахомия Сербя. Поэтому не приходится удивляться наличию в них прямых заимствований из Жития Кирилла Белозерского. К примеру, ровесник и единомышленник Кирилла Ферапонт, основатель знаменитого в будущем монастыря, «повсегда же... исходя от келиа своеа, возьмь сечиво и котыгу, тружашеся по вся дни зело, многожды же и в нощи без сна пребываа бяше» [9, с. 194].

Когда юный монах Мартиниан был учеником Кирилла Белозерского, тот часто, когда «в келии своей пение съврѣшааше, сему повелеваше поклоны творити. И сиа многожды бывааше и до времени клепания мало нечто дааше ему сна причаститися телесныа ради нужда [5, с. 210]. Днем Мартиниан «повельниемъ святаго посылаемъ искуситися в службахъ в хлебню и в поварню». Там он со смиреннием трудился, «воду нося, и дрова секый, и хлебы братиамъ принося» [5, с. 212].

Единственное существенное отличие Ферапонта и Мартиниана от Кирилла сводится к тому, что первые с радостью принимали земельные пожалования от белозерских князей Андрея Дмитриевича (1389–1432) и его сына Михаила Андреевича (1432–1486) [9, с. 198; 5, с. 218].

Памятники агиографии XVI в., связанные с именем Иосифа Волоцкого, также испытали влияние Житий Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. В написанном братом Иосифа, будущим ростовским архиепископом Вассианом Саниным, Житии Пафнутия Боровского (ум. 1477) можно прочесть, что однажды какой-то нерадивый мирянин, специально приехавший увидеть Пафнутия, не узнал его, т. к. святой выглядел «отъ братии паче же отъ худишихъ» [6, с. 139].

В бытность игуменом Пафнутий был очень воздержан в еде; несмотря на это, он постоянно «тружаяся тяжкимъ деломъ прилежа дрова секи и на раму нося, и землю оградную делааше, и воду нося еже напаяти таковая, и ина вся творяше тяжестная» [6, с. 141].

Создавший примерно в 40-е гг. XVI в. Житие Иосифа Волоцкого (ум. 1515), епископ Савва Черный писал о том, что признанный глава иосифлян был хорошо знаком с Киево-Печерским патериком и Житиями Антония и Феодосия Печерских, а также с Житием Саввы Освященного и различными монастырскими уставами [2, стб. 495, 528–529, 549, 553–556]. Однако, как и в случае с Житием Пафнутия Боровского, в Житии Иосифа прослеживаются сюжетные и даже текстуальные заимствования из «стилизованных биографий» Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.

Когда Иосиф после смерти Пафнутия посещал с целью знакомства различные монастыри, он «хождаше въ черныхъ службахъ, ово в хлебнее, ово же въ поварни и во иныхъ в меньшихъ службахъ» [2, стб. 462].

В Волоколамском монастыре все иноки быди «в лычныхъ обуцахъ и въ плаченыхъ ризахъ... на всехъ равна одежда и обуца ветха и много плачена. Сам же преподобный такоже хождаше: никтоже бо его въ братстве познаваше, якоже единъ отъ нищихъ; и тако пребысть и до кончины живота своего» [2, стб. 467].

Иосиф оказался, пожалуй, первым после Сергия Радонежского игуменом, который «въ глубокий вечеръ ходя по келиямъ втайне, и где слыша по павечерне беседующа братию, и ударяя по окну, назнаменуя приходъ свой, и паки отхождаше» [2, стб. 470]. В Житии Иосифа, кроме того, прослеживается детализация появившихся ранее сюжетов: например, монахи в нем не просто отдают поклоны, а делают за ночь 1000, 2000, а то и 3000 поклонов [2, стб. 467].

В других памятниках количественные показатели затронули и молитвы: к примеру, инок Феогност из Волоколамского патерика за сутки 5000 раз читал «Исусову молитву» и отдавал 1000 земных поклонов [1, с. 32, 34]. Герой одноименного Жития Кассиан Босой за сутки успевал прочитать ту же молитву 6000 раз и сделать 1000 поклонов [3, с. 418]. Ученик Кассиана Фотий Волоцкий читал «въ день да в ночь по 4 кафизмы, да по два кануна переменные, да статья Евангелиа, да шестьсотъ Исусовыхъ молитвъ, а седмое сто молитвъ – Пречистой», спал по 3–4 часа в сутки, причем «на земле без постели», а временами и сидя [10, с. 428]. Эти и другие персонажи памятников агиографии середины–второй половины XVI в., разумеется, усердно трудились в хлебнях-пекарнях и поварнях и но-

силы самую плохую одежду в виде одной ризы зимой и летом («одеяние всех худше ношаше») [1, с. 40, 42; 3, с. 418, 420; 10, с. 428].

Пришло время подводить итоги. В конце XIX в. А. П. Кадлубовский, признавая, вслед за В. О. Ключевским, шаблонность и однообразие, бледность изображения, скудость реальных черт русской средневековой агиографии, все же замечал, что русские «жития и при однообразии содержания могут служить выражением известного идеала и поэтому представляют интерес для изучения» [6, с. 98–99]. Мы своей статьей стремились обратить внимание на то, что древнерусские жития не только несут более или менее ценную информацию о повседневной жизни монахов, но и являются ценно-парафразными произведениями, в которых использован определенный набор предшествующих литературных памятников. В этом смысле можно сказать, что практически все жития видных иноков Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. прямо или косвенно восходят к Житию Феодосия Печерского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волоколамский патерик // БЛДР. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. Т. 9. С. 20–68.
2. Житие и пребывание вкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго // Великия Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1–13. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. Стб. 453–499.
3. Житие Кассиана Босого // БЛДР. Санкт-Петербург: Наука, 2005. Т. 13. С. 416–424.
4. Житие Кирилла Белозерского // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 132–216.
5. Житие Мартина Белозерского // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. С. 208–260.
6. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / Изд. А. П. Кадлубовского // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин: Типо-Литограф. М. В. Глезера, 1899. Т. II. Отдел 2. С. 98–149.
7. Житие Сергия Радонежского // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 254–410.
8. Житие Феодосия Печерского // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 352–432.
9. Житие Ферапонта Белозерского // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. С. 182–206.
10. Житие Фотия Волоцкого // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. С. 426–432.

СОКРАЩЕНИЯ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

Поступила в редакцию 04.10.2023

Васиховская Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и технологий
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
E-mail: Vasichovskaya@mail.ru

Пашин Сергей Станиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 23
E-mail: pashin-s@yandex.ru

N.S. Vasikhovskaya, S.S. Pashin

THE LIFE OF THEODOSIUS THE CAVES AND THE FATE OF RUSSIAN HAGIOGRAPHY OF 15th–16th CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-155-160

The article is devoted to the development of Old Russian hagiography. The texts of the hagiographies of Theodosius of the Caves, Sergius of Radonezh, Kirill of Belozersk, six hagiographies of the 16th century and the Volokolamsk Paterik are analyzed. All monuments of hagiography can be considered centon-paraphrase works. The main attention in the article is paid to the search and identification of hidden concepts and meanings that guided the Old Russian scribes, the

definition of parallels and various textual coincidences. The priority is given to the analysis of such subjects as clothing, labor activity, peculiarities of monks' daily routine, attitude to monastic property and contributions to monasteries. It is concluded that all the authors of hagiographies of the 15th–16th centuries directly or indirectly used the text of the Life of Theodosius of the Caves.

Keywords: lives of the saints, Theodosius of the Caves, Rus, 15th–16th centuries.

REFERENCES

1. Volokolamskij paterik [Volokolamsk Paterik]. BLDR. St. Petersburg, “N»auka” Publ., 2000, vol. 9, pp. 20–68. (In Russian).
2. Zhitie i prebyvanie v’kratce prepodobnogo otca nashego igumena Iosifa, grada Voloka Lamskago [The Live and Residence in Brief of Our Venerable Father Hegumen Joseph of the Town of Volok Lama]. Velikiya Minei Chetii, sobrannyye vserossijskim mitropolitom Makariem. Sentyabr’. Dni 1–13 [The Great Chetiye Minei, Collected by the All-Russian Metropolitan Macarius. September. Days 1–13]. St. Petersburg, Print. House of the Imperial Academy of Sciences, 1868, pp. 453–499. (In Russian).
3. Zhitie Kassiana Bosogo [The Life of Cassian Barefoot]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2005, vol. 13, pp. 416–424. (In Russian).
4. Zhitie Kirilla Belozerskogo [The Life of Cyril of Belozersk]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1999, vol. 7, pp. 132–216. (In Russian).
5. Zhitie Martiniana Belozerskogo [The Life of Martinian of Belozersk]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2005, vol. 13, pp. 208–260. (In Russian).
6. Zhitie prepodobnogo Pafnutiya Borovskogo, pisannoe Vassianom Saninym / Izd. A. P. Kadlubovskogo [The Life of the Monk Paphnutius of Borovsk, written by Vassian Sanin. Ed. by A. P. Kadlubovsky]. Sbornik istoriko-filologicheskogo obshchestva pri institute knyazya Bezborodko v Nezhine [Collection of the Historical and Philological Society at the Institute of Prince Bezborodko in Nizhyn]. Nezhin, “Tipo-Litogr. M. B. Gleser” Publ., 1899, vol. 2. Department 2, pp. 98–149. (In Russian).
7. Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of Sergius of Radonezh]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1999, vol. 6, pp. 254–410. (In Russian).
8. Zhitie Feodosiya Pecherskogo [The Life of Theodosius of the Caves]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1997, vol. 1, pp. 352–432. (In Russian).
9. Zhitie Feraponta Belozerskogo [The Life of Ferapont of Belozersk]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2005, vol. 13, pp. 182–206. (In Russian).
10. Zhitie Fotiya Volockogo [The Life of Photius of Volotsk]. BLDR. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2005, vol. 13, pp. 426–432. (In Russian).

ABBREVIATIONS

BLDR – Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Library of Ancient Russian Literature]

Received 04.10.2023

Pashin S.S., Doctor of History, Professor of the Department of History
Tyumen State University
Lenina st., 23, Tyumen, Russia, 625003
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Vasikhovskaya N.S, Candidate of History, Associate Professor
of the Department of Humanities and Technologies
Industrial University of Tyumen
Volodarskogo st., 38, Tyumen, Russia, 625000
E-mail: Vasichovskay@mail.ru